

Бруно Коппитерс

ПАРТНЕРСТВО РАДИ МИРА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

Введение (1)

Как Организация (до 1995 г. - Совещание) по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), так и Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС) ведут свое происхождение от разделения Европы периода "холодной войны". Первоочередная цель обеих организаций - вести процесс интеграции между бывшими державами-соперниками; они представляют собой форумы, на которых могут открыто обсуждаться симптомы угрозы и политика в области безопасности. Хотя оба института восходят в своих истоках к разделу Европы, одной из их основных целей всегда было обеспечить участие неевропейских держав в европейских делах. Активное участие США и Канады в структуре СБСЕ считалось неременным условием европейской стабильности. После распада Советского Союза СБСЕ приняло в свой состав все бывшие советские республики независимо от их географической или культурной принадлежности к Европе.

ССАС создавался с более специфической целью, нежели СБСЕ. Он должен был способствовать проведению консультаций и сотрудничеству между НАТО и бывшими странами Варшавского договора, с тем, чтобы адаптировать их военную политику к новой европейской архитектуре безопасности (2). Подобно тому как в случае с СБСЕ, побудительным мотивом для создания ССАС была забота о стабильности в Европе, и в частности в Центральной Европе. Вывод советских войск из Германии являлся одним из главных предметов озабоченности НАТО, с тех пор как не стало границ между двумя германскими государствами. Вскоре за учредительной конференцией ССАС, состоявшейся 20 декабря 1991 г., советский посол объявил о роспуске СССР. Поскольку все государства-преемники Советского Союза стали полноправными членами ССАС, он вопреки первоначальной цели превратился в консультативный орган, включающий страны, чьи коренные интересы безопасности находятся вдали от Европы.

Членство в ОБСЕ и ССАС не основывается на географическом или цивилизационном определении района безопасности. Члены как ОБСЕ, так и ССАС, географически расположенные либо на Американском континенте (США, Канада), либо в Азии (Грузия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан), представляют собой сравнительно большую группу государств: около одной пятой из 55 членов ОБСЕ и одной четвертой из 40 членов ССАС (3). Обе организации не ставят членство в зависимость от культурных и цивилизационных норм и ценностей, которые могут считаться специфически европейскими или атлантическими. Центральноазиатские государства автоматически стали членами СБСЕ и ССАС. Критерии для участия в СБСЕ/ОБСЕ и ССАС не должны, однако, рассматриваться как результат чисто исторических обстоятельств, как отсутствие четких критериев для определения того, какие новые независимые республики должны быть вовлечены в процесс интеграции с западным сообществом. Напротив, их следует рассматривать как сознательный политический замысел - создать новую архитектуру безопасности с участием всех стран, которые были активными противниками в эпоху "холодной войны".

Инициатива "Партнерства ради мира" (ПРМ) была задумана администрацией США и выдвинута НАТО на январском саммите 1994 г. Ее рассматривали - и критиковали - как способ разрешения противоречия между политикой включения и исключения (*inclusive and exclusive policies*), которую решила проводить НАТО в своем продвижении на Восток. НАТО предложила всем членам СБСЕ проводить мероприятия по военному сотрудничеству в рамках ССАС. В ПРМ видели инструмент, облегчающий интеграцию нейтральных и неприсоединившихся западно- и восточноевропейских стран в стратегию НАТО. Интеграция понималась как процесс дифференциации между перспективными и неперспективными партнерами в плане расширения НАТО. ПРМ облегчило бы

укрупнение НАТО без полного исключения неперспективных членов из новой Европы и даже проложило бы путь к "особому углубленному диалогу" с Россией. ПРМ было направлено на расширение влияния НАТО не только на Восточную, но и на Западную Европу, убедив ряд западных нейтральных стран, таких, как Финляндия или Швейцария, сотрудничать с Североатлантическим альянсом (4). Программа партнерства с Россией также будет способствовать развертыванию программ сотрудничества между отдельными членами НАТО и СНГ, без чего такое присутствие НАТО в ближнем зарубежье России обязательно вызвало бы гнев Москвы. Даже военное сотрудничество между отдельными членами НАТО и СНГ, которое было бы налажено вне рамок ПРМ, имело шанс быть терпимым Кремлем, а не рассматриваться как новая провокационная попытка расширить сферу влияния НАТО. Это также помогло бы НАТО в сборе разведанных о политике безопасности в СНГ, в информировании членов СНГ о своей собственной стратегии и воплощении в жизнь своих принципов поддержания мира в регионах, куда западные правительства не заинтересованы посылать собственные войска. ПРМ не ограничивается военной политикой. Сотрудничество также касается невоенных вопросов, таких, как стихийные бедствия и защита окружающей среды. Наконец, со временем ПРМ облегчила бы посредническую роль членов НАТО в конфликтах между партнерами по СНГ.

Структура ПРМ была связана с тогдашней структурой СБСЕ. Всем "способным и желающим" членам СБСЕ были предложены сферы военного сотрудничества, включая гласность в оборонной политике, демократический контроль за вооруженными силами, способность к взаимодействию (interoperability) с силами НАТО при проведении миссий по поддержанию мира и гуманитарных миссий, взаимные консультации в случае, если некоторые из участников ощутят серьезные угрозы своей территориальной целостности или политической независимости (см. библиографию в конце статьи - Borawski 1995: 233-234). В январе 1997 г. в ПРМ участвовали 27 стран, включая 16 стран НАТО.

Цели ССАС не связаны с конкретно-историческим пониманием Североатлантического альянса. Как и в случае ОБСЕ, ССАС не основан на историческом восприятии культурной идентичности. Гражданский контроль над военными, представляющий собой одно из проявлений самосознания НАТО как сообщества, основанного на демократических ценностях и включенного в ПРМ как одна из основных сфер военного сотрудничества, не считается основанным на специфически западном понимании законности, но является универсально значимым, даже если при его осуществлении приходится учитывать конкретно-исторические условия.

В какой мере подобные универсальные нормы и принципы могут считаться реальной основой для функционирования таких международных институтов безопасности, как ССАС и ПРМ? Не следует ли рассматривать их как слабый заменитель отсутствующего культурного и цивилизационного родства между их участниками? Реально ли надеяться на то, что внешняя и внутренняя политика правительств Центральной Азии будет ориентироваться на "универсальные" кодексы поведения, установленные западными правительствами? Или же консенсус между членами ССАС относительно демократических целей сотрудничества должен считаться мифом, полезным лишь для поддержания диалога и сохранения канала связи и обмена между странами с весьма различным цивилизационным укладом? Оливье Руа писал, что действия ОБСЕ в Центральной Азии основаны на молчаливо подразумеваемом принципе, что такой миф может быть эффективным в долгосрочной перспективе (Roy 1995). Должны ли мы считать, что ССАС и ПРМ, созданные как кооперативные системы отношений безопасности, направленные на создание стабильности на Евроазиатском континенте и задуманные в качестве подспорья ОБСЕ, основаны на подобном же мифе?

То, что динамика безопасности, существующая между членами ОБСЕ и ССАС и участниками ПРМ, не является единым комплексом безопасности, может служить вторым мотивом для сомнений в ее эффективности. Заботы их членов в области безопасности слишком далеки друг от друга, для того чтобы имело смысл считать ОБСЕ или ССАС институтами, основанными на потребностях формирования единого комплекса безопасности. Интересы национальной безопасности членов

ОБСЕ или ССАС могут в большой мере рассматриваться как отдельные по отношению друг к другу, что с лихвой показали дискуссии о распространении НАТО на Восток или гражданские войны в Таджикистане и Грузии. Правительства стран Закавказья и Центральной Азии были по большей части безразличны к дискуссиям о членстве в НАТО государств Восточно-Центральной Европы, которое считают вопросом первостепенного значения страны-участницы НАТО, Восточно-Центральная Европа и Россия. Радикальное изменение военного баланса в Европе после конца "холодной войны" также не повлияло на восприятие безопасности центральноазиатскими правительствами. Ни одно из этих правительств не проявило ни малейшей склонности поддержать попытку России создать "контрблок" в противовес НАТО в рамках военного сотрудничества СНГ. Сравнительная индифферентность была также характерна для позиции Запада в отношении гражданских войн, происходивших в Грузии и Таджикистане. Опасность полного расчленения Таджикистана и Грузии не рассматривалась подавляющим большинством членов ОБСЕ/ОБСЕ как значительная угроза собственной безопасности. Они отказались от сколь-нибудь значительного вовлечения ОБСЕ в эти конфликты (5).

В отличие от политики ОБСЕ в Центральной Азии эффективность ССАС и ПРМ в этом регионе под сомнение не ставилась. Ввиду огромных различий в восприятии угрозы и формировании политики безопасности между западными государствами и бывшими советскими республиками и ввиду ориентации ССАС в первую очередь на европейский комплекс безопасности центральноазиатские правительства поначалу даже с трудом понимали, почему страны НАТО ожидают от них участия во встречах ССАС. Их присоединение к ПРМ шло медленно, а Таджикистан не проявил (не смог проявить) вообще никакого интереса. Однако с тех пор, за исключением Таджикистана, все центральноазиатские страны разработали индивидуальные программы партнерства с НАТО (Coppeters and oths. 1996b: 28-29). Туркменистан, который держится в стороне от проектов региональной интеграции, выдвигаемых другими центральноазиатскими партнерами и проводит политику строгого нейтралитета как меры предосторожности от вовлечения в возглавляемые Россией военные организации или в региональные альянсы, в которых он играл бы лишь подчиненную роль (6), даже оказался первой центральноазиатской страной, присоединившейся к ПРМ в мае 1994 г. (Oliphant 1996).

В сентябре 1996 г. Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана считал ПРМ самой удачной программой военного сотрудничества в истории Европы (7). Благоприятные последствия ПРМ для установления системы совместной безопасности как в Восточной, так и в Западной Европе - участие нейтральной Швейцарии имеет в этом смысле более чем просто символическое значение, - вероятно, могут считаться крупными достижениями в плане этой оценки. Опыт, накопленный благодаря ПРМ в деле расширения НАТО на Восток, рассматривался как дополнение к "Средиземноморскому диалогу", начавшемуся весной 1995 г. с шестью странами Ближнего Востока и Северной Африки. Как и в случае с ПРМ, этот диалог с мусульманскими странами имеет целью распространение взглядов НАТО о сообществе безопасности и обсуждение предметов озабоченности в сфере безопасности (8). НАТО проявила осторожность, избегая называть этот проект сотрудничества "южным вариантом" ПРМ - программы, которая ведет свое происхождение от раздела самой Европы и "не может быть всецело применимой к Средиземноморскому региону" (9). Успех ПРМ побудил Атлантический альянс в декабре 1996 г. принять решение о создании Совета атлантического партнерства (САП) (10). По заявлению американской администрации, САП будет открыт для всех членов ССАС и ПРМ и будет представлять собой "коллективный голос" ПРМ, что даст всем участникам новый единый механизм сотрудничества друг с другом, а не только непосредственно с НАТО (11).

Проекты сотрудничества со странами Центральной Азии, вероятно, не отнесут к высоким достижениям. Центральная Азия почти не упоминалась на первом этапе дискуссий о ПРМ в конце 1993 - начале 1994 г.; но "второстепенный характер" этого сотрудничества в общей перестройке пространства безопасности ОБСЕ не лишает обоснованности суждение Соланы. Программы ПРМ с Центральной Азией следует рассматривать как сравнительно эффективное средство достижения общей стабильности в этой части южного фланга ОБСЕ, учитывая незначительность финансовых

вложений в такие программы сотрудничества. Создание батальона из узбекских, казахских и киргизских войск численностью 500 человек, который предназначается для выполнения операций, проводимых под эгидой ООН и подготовка которого будет осуществляться в рамках ПРМ при американской поддержке (12), не означает формирования контингента сил по поддержанию мира, который способен был бы остановить любые серьезные этнические конфликты в регионе, но в этом можно увидеть позитивный шаг к региональной интеграции военных сил двух основных центральноазиатских стран (Казахстана и Узбекистана), претендующих на ведущую роль в регионе. В этом можно также видеть шаг к укреплению суверенитета стран-участниц по отношению к России.

Сотрудничество НАТО со странами Центральной Азии должно рассматриваться как успешное еще в одном аспекте. В отличие от большей части других программ ПРМ оно не основано ни на ранее существовавших демократических нормах и ценностях, ни на общих интересах или восприятии безопасности. Общая идентичность и общее восприятие безопасности, однако, не являются обязательной предпосылкой для налаживания плодотворного военного сотрудничества или образования военных альянсов в новой Европе ОБСЕ. Сближение различных норм, ценностей, интересов и восприятий вполне может в определенной степени и в некоторых областях иметь место как результат эффективной и продуманной работы институтов безопасности и долгосрочных инициатив по сотрудничеству, примером чего является ПРМ.

Динамика безопасности, существующая между членами ОБСЕ и ССАС, не представляет собой единую систему. Ниже будет показано, что ОБСЕ и ССАС предлагают центральноазиатским государствам, чьи интересы и восприятие безопасности имеют мало общего с интересами и восприятием большинства других членов ОБСЕ или ССАС, полезный инструмент для проведения своей политики безопасности и для выражения своей национальной и региональной идентичности. "Главному молчаливо подразумеваемому принципу" ОБСЕ, согласно которому миф об общих ценностях, нормах и восприятии безопасности может быть эффективным в долгосрочном плане для создания стабильности в процессе национального строительства в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии, вторит внешнеполитический принцип центральноазиатских правительств, в соответствии с которым сотрудничество с Западной Европой может в длительной перспективе укрепить суверенитет и безопасность этих стран.

Доказательство данного тезиса будет иметь несколько ступеней. Во-первых, будет проведен анализ того, каким образом страны Центральной Азии составляют региональные комплексы безопасности, согласно определению Барри Бьюзена (Buzan 1991: 186-229; Coppieters 1996a: 193-204), вместе с Россией и другими соседними странами. Мы также исследуем, как отсутствие внутреннего суверенитета центральноазиатских государств ограничивает их внешний суверенитет, в первую очередь по отношению к России - основному участнику формирования региональных комплексов безопасности. Во-вторых, мы увидим, как интересы и восприятие безопасности центральноазиатских стран, политические дефиниции их национальной и региональной идентичности, а также их политика в области региональной интеграции согласуются с их активным участием в ОБСЕ и ССАС. В-третьих, будет рассмотрено, в какой степени это участие определяется экономической и военной вовлеченностью Запада в Центральную Азию. Эта политика действительно играла определяющую роль в формировании региональных комплексов безопасности путем введения в действие локальных и внешних моделей конфликтов и сотрудничества.

Центральноазиатский комплекс безопасности

Ни члены ОБСЕ, ни участники ССАС не представляют собой самостоятельных региональных комплексов безопасности. Различные группы государств, составляющие региональные системы безопасности, тем не менее могут быть выделены в рамках обеих организаций. Эти группы государств, характеризующиеся географической близостью и общими заботами о безопасности, достаточно тесно связаны, чтобы составить регион с определенными границами. Это не значит, что

границы между региональными образованиями не могут при определенных обстоятельствах подвергаться глубоким изменениям. Исчезновение советских границ способствовало в Центральной Азии установлению экономических, политических и культурных связей с соседними странами, чье воздействие на процесс создания региональных комплексов безопасности не следует недооценивать.

На своих юго-восточных границах Россия составляет региональный комплекс безопасности вместе с пятью центральноазиатскими государствами - Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией и в определенной степени с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и китайской провинцией Синьцзян. Следует проводить различие между этим теоретическим концептом комплекса безопасности и многочисленными попытками определить эту часть Азиатского континента, которую мы называем "Центральной Азией". Данный термин, созданный европейцами в XIX в. (Yapp 1994: 1-10; Ferdinand 1994: 1), был заменен в советское время термином "Средняя Азия", включающим Узбекистан, Таджикистан, Киргизию и Туркмению, но исключаящим Казахстан, в котором проживало намного более многочисленное русское население, чем во всех остальных азиатских республиках. Досоветский термин был восстановлен после кончины Советского Союза, что выражало надежду на то, что вертикальная форма политической и экономической интеграции будет заменена горизонтальной. На центральноазиатском саммите, состоявшемся в январе 1993 г., главы государств Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана договорились о восстановлении термина "Центральная Азия" для обозначения всех пяти стран (Dannreuther 1994: 42). Это изменение терминологии выражало желание всех участников установить связи между своими странами, которые до получения ими независимости были односторонне ориентированы в сторону центра.

В отличие от теоретического понятия "региональный комплекс безопасности" понятие "Центральная Азия" имеет политический смысл, как и многие другие концепты, которые использовались или используются для конкретных идеологических целей (как, например, турецкий концепт "Турана" или узбекский концепт "Великого Туркестана"). Пять центральноазиатских государств являются лишь частью центральноазиатского регионального комплекса безопасности, постольку поскольку мы определяем этот региональный комплекс безопасности как региональное образование, которое можно выделить из ряда других благодаря специфическим моделям безопасности, в которых страны, составляющие это образование, не могут реально рассматриваться отдельно друг от друга (Buzan 1991). Россия исключается из понятия "Центральноазиатский регион", но должна быть включена в понятие "центральноазиатский региональный комплекс безопасности", так как ее безопасность в значительной степени зависит от безопасности ее южного фланга, а провести четкие границы безопасности в казахских степях невозможно (Olcott 1995: 362; Lange 1994: 11-14).

Россия как основной преемник советской империи действительно входит во все три комплекса безопасности, которые возникли на территории Советского Союза (13). Географическая близость России к этим регионам, расквартирование там ее войск и наличие значительных по численности русских меньшинств, живущих в соседних странах, - вот некоторые из основных факторов, определяющих ее принадлежность к кавказскому и центральноазиатскому региональным комплексам безопасности. Что касается третьего комплекса, то российское правительство использовало концепцию "ближнего зарубежья" для выражения подобной взаимозависимости всех своих соседей. Оно также выдвигает претензию на защиту гражданских прав всех представителей большой русской диаспоры. Самосознание России, согласно которому значительная часть ее истории имеет общие корни с ее соседями, также нельзя упускать из виду. В отличие от политического концепта "ближнего зарубежья" понятие "региональный комплекс безопасности" не содержит никакой легитимации вмешательства какой-либо страны в дела региона с целью защиты своих государственных интересов или исключения других стран из конкретной сферы влияния. Оно лишь означает, что налицо достаточно устойчивые отношения конфликта, протекции, подозрительности и страха внутри отдельной группы стран, чтобы ее можно было отграничить от других групп стран.

Цивилизационные связи не имеют первостепенного значения для определения региональных комплексов безопасности. Даже страны со сходными цивилизационными корнями не обязательно составляют общий комплекс безопасности, поскольку они не всегда могут ощущать, что у них есть общие интересы безопасности. Центральноеазиатские правительства, например, не считают Азербайджан частью своего региона, несмотря на их общие мусульманские традиции. Они полагают, что их интересы безопасности связаны, особенно с экономической эксплуатацией ресурсов Каспийского моря, - но не настолько, чтобы проявлять озабоченность в плане безопасности, подобную той, какую испытывают в отношении друг друга или России.

Центральноеазиатские государства участвуют в региональной динамике безопасности вместе с другими странами региона, такими, как Иран, Китай, Афганистан и Пакистан. Все эти страны не могут реально рассматривать свою национальную безопасность отдельно друг от друга. Связка между интересами безопасности центральноазиатских государств и такими же интересами соседних стран - Афганистана, Пакистана и Ирана - стала очевидной в ходе таджикской и афганской гражданских войн. Экономическое развитие всех стран, входящих в региональный комплекс безопасности, в основном зависит от возможности создания безопасных транспортных путей через регион и из него. Стабильность в Таджикистане и Афганистане является непременной предпосылкой для установления транспортных путей между Узбекистаном и пакистанским портом Карачи. Подобные же маршруты из Центральной Азии на западные рынки через Закавказье также непременно потребовали бы политического урегулирования всевозможных конфликтов в Кавказском регионе.

Озабоченность в сфере безопасности, ощущаемая Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией в связи с Россией, основывается на защите как внутреннего, так и внешнего суверенитета. Центральноеазиатским правительствам приходится одновременно решать задачи установления действенного контроля над собственным народом и заботиться о признании со стороны других сил в международном окружении (Beitz 1993: 236). Трансформация административных и в ряде случаев почти целиком фиктивных институтов советской эпохи в суверенные органы (Olcott 1995: 355) имеет преимущественно внутреннее измерение. Правительствам региона нужно следить за тем, чтобы их граждане не идентифицировали себя с соплеменниками или политическим руководством в сопредельных странах теснее, чем со своими согражданами и правительством (Franklin 1995: 22). Это первичное условие внешнего суверенитета этих стран. При определении Центральноазиатского региона с точки зрения регионального комплекса безопасности анализ следует начинать с субнационального уровня, прежде чем переходить на национальный.

Таджикистан и Казахстан - это два государства Центральной Азии, испытывающие наибольшие трудности в деле создания интегрированных наций. В 1992 г. Таджикистан стал жертвой гражданской войны между различными региональными кланами. Казахстан представляет собой "страну меньшинств", в которой русское население, в основном живущее в северной части страны, составляло в 1989 г., по официальной переписи, 38%, а казахское - около 39,8% (Dannreuther 1994: 78). Эти цифры резко изменились после достижения независимости благодаря высокой русской эмиграции. Напряженность между различными регионами страны вызывается не только изменением этнического равновесия - и разногласиями между различными группировками внутри самой титульной нации, - но и значительным экономическим диспаритетом между промышленным Севером, в основном сельскохозяйственным Югом и западным регионом, богатым полезными ископаемыми. Различные регионы республики в большей степени интегрированы с соседними странами (особенно северная часть - с Россией), чем между собой. Дискриминационная политика, которую начали проводить в Казахстане после получения независимости, вызвала оппозицию со стороны небольших русских группировок, но не привела к политической дестабилизации страны.

Узбекистан этнически гораздо более однороден, чем Казахстан, даже если этническую идентичность трудно установить в стране, где основным языком у гражданина - русский, таджикский или узбекский - недостаточен для определения его национальности. В целях контроля за

проявлениями региональной и этнической розни введена система губернаторов (хакимов), лично отобранных президентом Каримовым (Dannreuther 1994: 32). Этнические конфликты, исламский фундаментализм и общественное недовольство, вызываемое политикой перехода к рынку, - вот три главные угрозы безопасности, с которыми, по собственному признанию, сталкиваются узбекские власти.

Согласно переписи 1989 г., титульная национальность Киргизии составляла 52,4% населения. Приходится также принимать во внимание традиционное напряжение между киргизами с Юга, живущими вокруг Ферганской долины, находящейся в Узбекистане, и киргизами из более индустриализированного Севера (Dannreuther 1994: 39). В южной Ошской области Киргизии в 1990 г. происходили жестокие столкновения между узбеками и киргизами.

Центральноазиатский комплекс безопасности частично охватывает Китай. Миграционные потоки из провинции Синьцзян в Киргизию и Казахстан воспринимаются как угроза обеими странами. Особенно Казахстан, пережив русскую миграцию, используемую как аргумент в территориальных притязаниях, опасается долговременных последствий для своей территориальной целостности от поселения китайских иммигрантов вдоль своих границ. Китай - лишь одно из многих ядерных государств, которыми окружены страны Центральной Азии. Ядерные испытания в Лобноре (Синьцзян), всего в нескольких сотнях километров от границы с Казахстаном и Киргизией, ощущаются как экологическая угроза.

Интересы военной безопасности Центральной Азии и "Партнерство ради мира"

Военная безопасность России на ее южных границах зависит от ее центральноазиатских соседей. Границы между союзными республиками в советское время не имели военного значения. Россия, ссылаясь на высокие затраты на реорганизацию своей обороны в случае оборудования новой международной границы, установила пограничные посты на границах СНГ в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении. Ее войска дислоцируются во всех центральноазиатских республиках, кроме Узбекистана.

Распад Советского Союза оставил государствам Центральной Азии в наследство большой арсенал вооружений. Казахстан обладал ядерными базами, демонтажу которых способствовала политика США и России. Ташкентский договор мая 1992 г. о коллективной безопасности предусматривал раздел военной техники бывшего СССР между республиками СНГ. В целях выполнения Договора об обычных вооружениях значительное их количество было переведено на восток от Урала. То, что центральноазиатские государства обладали военной техникой, не означало, что они имели современные армии. Офицерский корпус в бывшем СССР в основном комплектовался из русских. За весь советский период только три казаха окончили Академию Генерального штаба. Даже если большое число русских офицеров осталось в Центральной Азии, местным правительствам приходилось решать трудную задачу: модернизировать свои войска, не впадая при этом в полную зависимость от России. Программа ПРМ - особенно при условии ее дополнения другими военными соглашениями, например с США, Турцией и Германией, - служит цели укрепления центральноазиатских национальных армий. Западные правительства, к примеру, обеспечивают подготовку их военного персонала, тогда как министерство обороны России испытывает большие финансовые трудности и ему становится все труднее вести бесплатное обучение военных кадров центральноазиатских государств (14). Из числа 16 стран-членов НАТО США разработали крупнейшие индивидуальные программы, включая проведение обычных военных учений на территории обеих сторон, подготовку офицеров, планирование бюджета и сотрудничество по невоенным вопросам, таким, как стихийные бедствия и экологические катастрофы (15). Казахстан открыл в сентябре 1996 г. военную академию, специализирующуюся на подготовке профессиональных армейских сержантов по американской модели; эта страна стала первой страной СНГ, в которой введена американская сержантская система как основа будущей профессиональной армии (16).

В Казахстане имелось много предприятий ВПК, но, как и во всех других центральноазиатских странах, там не было полного цикла производства (Kortunov and oths. 1995: 302). Ряд членов НАТО ныне поставляют в эти страны военную технику и "ноу-хау" или даже, как в случае Узбекистана, сотрудничают в области военного производства. Двусторонние программы военного сотрудничества между членами НАТО и центральноазиатскими странами осуществляются также вне рамок ПРМ. США образовали комитет по конверсии с Узбекистаном с целью перевести военное производство (например, заводы химических вооружений) на выпуск гражданской продукции (17). Отдельные страны НАТО - и, в частности, США - предлагают значительную финансовую поддержку для подобных двусторонних кооперационных проектов. В отличие от российского представления о модернизации вооруженных сил стран Центральной Азии - реинтегрировать эти войска в структуру СНГ на первом этапе и укреплять их потенциал на втором - правительства Казахстана и Узбекистана видят в кооперации с ПРМ и ССАС возможность модернизации своих войск независимо от Москвы, что придает им больше рычагов на переговорах с Россией по координации военной политики. Киргизия избрала другой курс, подкрепляя свое сотрудничество в рамках ПРМ инициативами в невоенной сфере (например, в деле спасательных операций при стихийных бедствиях).

Российское присутствие во всех министерствах обороны в Центральной Азии считалось важнейшим препятствием для их сотрудничества с ПРМ. Подписание Россией в июне 1995 г. Индивидуальной программы партнерства (ИПП) показало, однако, что центральноазиатские правительства имели достаточную свободу действий, чтобы договариваться о собственных программах сотрудничества с НАТО. В январе 1996 г., еще до подписания ИПП, министр обороны Казахстана Алибек Касымов полагал, что армия его страны способна решить свои организационные проблемы, отчасти на основе последних соглашений внутри СНГ и программы ПРМ (18).

Министры иностранных дел Казахстана, Узбекистана и Киргизии объявили о том, что их совместный миротворческий батальон, который будет поставлен под командование ООН, будет проходить подготовку в рамках программы ПРМ (19). В августе 1996 г. Казахстан инициировал создание собственной Каспийской флотилии, включившей 6 судов береговой охраны, подаренных США (20). Значение такого рода военной поддержки для Казахстана, ведущего трудные переговоры с Россией о международном статусе Каспийского моря, нельзя переоценить. Большую активность в развитии проектов военного сотрудничества с различными центральноазиатскими государствами проявляет Турция. В сентябре 1996 г. меморандум о военном сотрудничестве был подписан между Турцией и Казахстаном (21). Невоенные формы безопасности, такие, как защита окружающей среды, занимают важное место в индивидуальной программе ПРМ для Киргизии (22).

Политика в сфере центральноазиатской идентичности и "Партнерство ради мира"

ССАС представляет собой форум для диалога по вопросам, касающимся безопасности. Можно ли теоретически осмыслить этот диалог между западными и центральноазиатскими концепциями региональной идентичности и региональной безопасности? Понятие "региональная идентичность" имеет важный культурный компонент, который включает в себя понятие "комплекс безопасности", поскольку устойчивые модели дружбы/вражды в концепции безопасности усиливают культурные различия. Понятие "региональная идентичность" имеет более широкий смысл, чем термин "региональный комплекс безопасности", так как субъективное самоощущение нации относительно своего положения в конкретном международном окружении включает и заботу о безопасности, и "устоявшиеся отношения добрососедства, защиты, поддержки, подозрительности и страха".

Правительственная политика в области идентичности не обязательно совпадает с отдельными региональными границами безопасности. Турецкая концепция Турана, например, выражающая желание правительства Турции играть ведущую роль в регионе, включает обширное сообщество тюркоязычных народов Центральной Азии и Кавказа, исключая Грузию и Армению, и связывает между собой страны, принадлежащие к весьма различным комплексам безопасности.

По самоощущению своей национальной и региональной идентичности казахская культура является синтезом как европейской, так и азиатской исторических традиций. Это самоощущение, основанное на объективных исторических, этнических и экономических критериях, должно рассматриваться как выражение тревоги казахов в связи с тем, что их национальной идентичности может угрожать ассимиляционная китайская культура. Европейское измерение евроазиатской национальной идентичности мыслится как гарантия от возможности ассимиляции со стороны китайской культуры. Казахстан, в отличие от большинства других бывших союзных республик, никогда не мыслил "независимости" как "независимости от России", а, вступив в СНГ вместе с другими центральноазиатскими республиками в 1992 г., был искренним поборником интеграции в рамках СНГ (Dannreuther 1994: 45-46). Назарбаев отмечал, что его страна, особенно благодаря своему этническому составу, "связана с Россией не то что тысячами - миллионами нитей и миллионами человеческих судеб" (Dannreuther 1994: 9-10). Как России, так и Казахстану приходится разрабатывать политическую стратегию в соответствии со своими общими интересами на Евразийском континенте (Ахмеджанов, Султангалиева 1995).

Не только представления политического руководства о безопасности, но и культурное самоощущение казахской интеллигенции нашли свое отражение в заявке о приеме Казахстана в Совет Европы и в предложениях президента Назарбаева о Евразийском союзе и азиатском варианте ОБСЕ. Ни одна из этих трех инициатив, призванная утвердить международный авторитет Казахстана, не дала значительных результатов. Несмотря на прием в Совет Европы таких "евроазиатских" стран, как Турция или Россия (в качестве членов), Грузии, Армении и Азербайджана (как будущих членов), заявка Казахстана имеет мало шансов когда-либо реализоваться.

Казахская идея о Евразийском союзе подразумевала превращение Содружества в конфедерацию, которая будет основана на принципе равноправия всех участников и при которой наднациональные институты будут наделены правом проведения экономической и оборонной политики. Это предложение было сочтено неприемлемым другими членами СНГ (Olcott 1995: 360). Казахстан также предложил создать азиатский вариант ОБСЕ, но это не вызвало энтузиазма у стран, приглашенных на форум Конференции по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии (СІСА) в феврале 1996 г (23).

Международные инициативы Узбекистана, не имеющего общих границ с Россией, но граничащего со всеми другими центральноазиатскими государствами, носят более региональный характер. Узбекское правительство попыталось использовать идею единства Центральноазиатского региона посредством создания "великого Туркестана". Эта идея подается как возможное решение проблемы разделения региона - наследия русской колониальной политики (Dannreuther 1995: 48). Эта идея может также способствовать укреплению национального самосознания среди различных национальностей, проживающих в Узбекистане. Президент Каримов все же поостерегся от интерпретации этой идеи как политической программы воссоединения региона, при котором были бы ликвидированы суверенные права всех центральноазиатских республик, но придает ей толкование межправительственной программы культурного сотрудничества (24).

Казахстан, Киргизия и Узбекистан участвуют в региональных инициативах интеграции, имея в виду прежде всего экономические цели. Эти три страны создали Центральноазиатский союз в целях экономического и политического сотрудничества; как Казахстан, так и Киргизия являются, наряду с Россией и Белоруссией, участниками Договора четырех, заключенного в марте 1996 г. под эгидой Москвы.

Региональные концепции Узбекистана и Казахстана, в которых конкретные интересы национальной безопасности связаны со специфическими взглядами на историю и культуру региона, не мешают их активному участию в ОБСЕ и ССАС. Универсалистская идеология этих двух организаций по безопасности сравнительно индифферентна к какому-либо историческому или культурному самоощущению роли и места той или иной страны в том или ином регионе. ОБСЕ, например, не

противоречит ни узбекской концепции великого Туркестана, ни казахской концепции Евразийского союза. Универсалистский подход к интересам национальной безопасности и идентичности государства, связывающий, например, - в случае ОБСЕ - процесс национального строительства с защитой прав меньшинств или - в случае ССАС - строительство национальной обороны с демократическим пониманием гражданского контроля над вооруженными силами, может, однако, привести к конфликтам с национальной идентичностью, определяемой сквозь призму культуры. Вызов, с которым сталкиваются такие институты, как ОБСЕ, состоит не в определении, но в воплощении универсальных ценностей посредством правил поведения, обязательных для всех стран-участниц. Ценностные конфликты характерны для двусторонних отношений между центральноазиатскими и западными правительствами. Как США, так и страны-участницы Европейского союза считают демократизацию центральноазиатских политических структур и развитие правового государства основной гарантией стабильности, способствующей безопасным инвестициям в регион. Продление полномочий президента до конца века в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркменистане, позволившее обойти принцип регулярности выборов, было расценено как США, так и ЕС как шаг в неверном направлении (25). Дипломатические трения имеют для центральноазиатских правительств гораздо меньшее значение, чем политические и военные возможности, предлагаемые ОБСЕ и ССАС. Оба института безопасности дают множество возможностей для дипломатических компромиссов. Союзники по НАТО обсудили со своими партнерами в ССАС необходимость установления демократического контроля над военной сферой. На своей встрече в декабре 1995 г. страны-участницы ССАС заявили, что демократический контроль над вооруженными силами составляет важнейший элемент любой зрелой демократии, признавая при этом, что национальная политика по проведению этой цели в жизнь вынуждена приспосабливаться к конкретным историческим обстоятельствам (Corpieters and oths. 1996b).

Западные правительства подвергали критике отсутствие парламентской демократии в Казахстане. Парламент, который был избран в 1996 г., действительно с трудом можно было назвать законодательным собранием. Такая разница во мнениях между Казахстаном и западными правительствами не помешала дальнейшей "вестернизации" страны. Перед открытием первой сессии новоизбранного парламента 2 сентября 1996 г. президент Назарбаев отстаивал необходимость более широкого использования английского языка в системе образования. Сам парламент призывали "скорректировать" таможенное и налоговое законодательство в целях привлечения большего объема западных инвестиций (26).

Президент Киргизии Аскар Акаев учитывал, что Запад пристально наблюдает за увязкой политической демократизации с экономической реформой (Olcott 1996: 7, 18, 87). При встрече с президентом Джорджем Бушем в Вашингтоне осенью 1991 г. он цитировал Джефферсона и Джона Стюарта Милля и говорил о своей стране как об "азиатской Швейцарии", ссылаясь на ее демократические традиции и надеясь, что она заинтересует международные финансовые и промышленные круги. Посол Джумакадыр Атабеков, советник президента Республики Кыргызстан, гордо заявлял в ноябре 1996 г., что официальные представители НАТО видят в его стране, "пожалуй, наиболее чуткого партнера из всех стран СНГ". В его представлении, демократические принципы, включая политику НАТО, направленную на содействие установлению гражданского контроля над вооруженными силами, соответствуют древним тюркским политическим институтам Киргизии, которая сохранила "разделение между военной и гражданской администрацией, выборы монархов, всеобщую мобилизацию в случае опасности извне и многое другое" (Atabekov 1996: 31-32).

Узбекский президент Ислам Каримов, чувствуя угрозу со стороны исламских и националистических движений, вначале категорически отвергал любую западную критику нарушений прав человека его режимом. Он прямо заявил тогдашнему госсекретарю США Джеймсу Бейкеру в ходе визита последнего в Ташкент в 1993 г., чтобы тот не вмешивался во внутренние дела страны, когда США рекомендовали Каримову вступить в диалог с подвергавшимися репрессиям оппозиционными группами и диссидентами (Dannreuther 1994: 34). Однако, желая привлечь в страну новые западные инвестиции и улучшить отношения с США, он изменил свою позицию, когда

политическая ситуация в какой-то мере стабилизировалась. 29 августа 1996 г. президент Каримов, выступая перед олий маджлисом (узбекским парламентом), объявил, что его правительство выступает за демократию и сотрудничество с международными правозащитными организациями (27). Конференция по правам человека в Узбекистане, проведенная под эгидой ОБСЕ в сентябре 1996 г. с участием официальных лиц, бывших диссидентов и неправительственных правозащитных организаций, была истолкована как еще один сигнал, говорящий о желании Узбекистана смягчить свой репрессивный имидж за границей (28). Такие эффектные жесты не считаются наблюдателями достаточными, чтобы гарантировать демократизацию политической жизни в Узбекистане, но все же они свидетельствуют о возможности эффективного внутреннего и западного нажима в пользу демократизации и создания правовой системы для обеспечения иностранных инвестиций (29).

Роль Запада в центральноазиатском комплексе безопасности

Политика в отношении ближнего зарубежья, публично провозглашенная президентом Борисом Ельциным в начале 1993 г., была основана на том положении, что Россия имеет исключительные интересы в соседних странах. Эта политика отрицала внешнее вмешательство со стороны Турции или Ирана, которые вместе претендовали на ведущую роль в Центральной Азии и на Кавказе. Иранская концепция рассматривает страны Центральной Азии как бывшие "провинции", составляющие единый Kulturgebiet (культурную область) с Ираном. Считается также, что единство Центральноазиатского и Кавказского регионов (Asiaye Markazi va Ghafghaz) (30) основано на таких общих факторах, как единые интересы безопасности в районе Каспийского моря и членство этих стран в ЭКО (куда войдут Грузия и Армения, как только будет найдено хотя бы временное решение нагорно-карабахского конфликта).

В отличие от российской концепции ближнего зарубежья, турецкой концепции Турана, иранской - Центральной Азии и Кавказа или казахской - Евразийского союза, ни США, ни Европейский союз не разрабатывают свою политику в свете специфической региональной идеи, выходящей за рамки фактического существования пяти центральноазиатских государств.

Как у США, так и у Европейского союза есть интересы в регионе, особенно связанные с разработкой его обширных нефтегазовых ресурсов, политической стабильностью и прокладкой газопроводов из Казахстана и Азербайджана на мировые рынки. Движение капиталов на мировой рынок не сковано государственными границами. Даже если вовлеченность Запада в центр Азии еще не достигла такого уровня, чтобы он мог стать частью регионального комплекса безопасности, политика Запада в регионе активно формирует его внутреннюю структуру и внешние границы. ЕС имеет в Центральной Азии более широкие интересы, чем США, поскольку представляет собой важнейшего будущего потребителя энергоресурсов региона. В 1995 г. почти половина объема потребления импортированного газа странами ЕС приходилась на Россию, но они прогнозируют растущий спрос на энергоресурсы, который будет покрываться главным образом из месторождений в Азербайджане и Центральной Азии. Энергетическая политика Европейского союза уделяет больше внимания газовым, нежели нефтяным месторождениям региона (31).

Проблема транспортировки сырья на мировой рынок не может, однако, быть решена без соглашений между центральноазиатскими производителями, западными инвесторами, Россией, Турцией и/или Ираном. Также по этой причине центральноазиатским правительствам нужно найти некоторый баланс между интересами соседних стран и возможностями, предлагаемыми не соседями странами. Организации по безопасности, подобные ОБСЕ и ССАС, в состав которых входят все перечисленные страны, за исключением Ирана, особенно привлекательны для центральноазиатских правительств. Они рассматривают оба института как фактор стабилизации конфликтующих интересов в своем регионе.

Партикулярные интересы и универсалистская риторика

Вопрос, поставленный во введении к настоящей статье: насколько универсальные нормы и принципы могут считаться реальной основой для функционирования таких международных

институтов безопасности, как ССАС и ПРМ, - касается не только проблемы того, в какой степени можно ожидать, что страны без многолетних демократических традиций будут сотрудничать с западными странами. Он также затрагивает проблему: почему политика Европы, как и США, в сфере идентичности, направленная на защиту специфических экономических интересов и интересов безопасности, не выражена в партикуляристских категориях, как это имеет место с политикой в сфере идентичности, проводимой такими державами, как Россия, Иран или Турция? Согласно западному взгляду, демократические нормы, гражданские права и законность должны быть воплощены в жизнь во всех государствах, находящихся в пространстве ОБСЕ "от Ванкувера до Владивостока".

Западной универсалистской политике присущи специфические культурные средства выражения (cultural idioms). Роджер Брубейкер определил их как выражающие и в то же время составляющие идеальные и материальные интересы. Культурное средство выражения - это и способ мышления, и способ говорения о ценностных концептах, нередуцируемый вместе с тем к речевым актам. Конкретные культурные средства выражения подкрепляются (are reinforced) и активируются специфической исторической и институциональной обстановкой (settings). Будучи подкреплены и активированы, они словесно оформляют и формируют политические суждения о том, что императивно и соответствует интересам государства.

Универсалистская риторика является частью самосознания Европы как высшей цивилизации, которая всегда была связана с повышенным интеллектуальным интересом к особой культуре своих колоний и с философией истории, выделяющей различные стадии мировой цивилизации. Западная концепция всеобщего прогресса посредством универсальной истории не исключает движения по кругу. Война, несоблюдение фундаментальных свобод, нарушения прав человека, агрессивный национализм, расизм, ксенофобия и межэтническая напряженность рассматриваются председателем ОБСЕ в 1996 г. - представителем Швейцарии как "появление нового варварства", представляющего значительную угрозу европейской безопасности после "расцвета фундаментальных свобод и прав человека в бывших коммунистических странах" (Cotti 1996: 7-8). В универсалистском подходе не существует разницы между самосознанием Европы и самосознанием США - этой бывшей наиболее удачливой колонии Европы. Имеются лишь специфические европейские интересы безопасности, экономические интересы в Центральной Азии, которые в определенной степени отличаются от аналогичных интересов США, но не существует отдельной европейской политики идентичности.

В соответствии с западным самоощущением политика Запада как в области безопасности, так и в сфере идентичности основана на универсальных принципах и в то же время выражает особую общность ценностей и особое восприятие интересов безопасности, разделяемые нынешними и будущими членами НАТО. Это противоречие, возможно, поможет объяснить часто путаную терминологию, используемую при определении западноевропейской и американской политики безопасности в бывшем Советском Союзе и обозначении региона ("европейская безопасность", "атлантическое партнерство", "евроатлантический район", "пространство ОБСЕ" и т.д.), который эта политика призвана обезопасить. Сходная путаница между универсалистской риторикой и особыми интересами безопасности может быть отмечена в терминологии, применяемой при создании новых межстрановых институтов безопасности. Название "Совет атлантического партнерства", к участию в котором приглашаются члены ПРМ из Центральной Азии и Закавказья, является неплохим выражением того, каким видит Запад отношения между бывшей азиатской периферией СССР и новой системой международной безопасности.

Библиография

Ахмеджанов А., Султангалиева А. (1995). Идея Евразийского союза для СНГ и Казахстана (попытка реинтеграции постсоветского пространства на принципах партнерства) // Казахстан и мировое сообщество, 2, 1: 26-39.

Akiner S. (ed.) (1994), Political and Economic Trends in Central Asia, London, British Academic Press,

1994.

Atabekov D. (1996), 'The Kyrgyz Republic and NATO: A Formula for Cooperation', *NATO Review*, 44 (6): 30-33.

Beitz C.R. (1993), 'Sovereignty and Morality in International Affairs', in David Held (ed.), *Political Theory Today*, Polity Press, Cambridge.

Blank S. (1995), 'Energy, Economics and Security in Central Asia: Russia and its Rivals', *Central Asian Survey*, 14 (3): 373-406.

Borawski J. (1995), 'Partnership for Peace and Beyond', *International Affairs*, 71(2): 233-246.

Buzan B. (1991), *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, New York - London, Harvester Wheatsheaf.

Coppieters B. (1996a), 'Conclusions: The Caucasus as a Security Complex', in: Bruno Coppieters (ed.), *Contested Borders in the Caucasus*, Brussels, VUBPress, Brussels: 193-204.

Coppieters B, Bauwens W., De Cordier B., Nahavandy F. (1996b), 'The Central Asian Region in a New International Environment', *Nato Review*, 44 (5): 26-31.

Coppieters B. West European Policies towards Georgia, готовится к публикации в: Coppieters B., Trenin D., Zverev A. (eds.) (1997), *Commonwealth and Independence in Eurasia*, London, Frank Cass.

Cotti F. (1996), 'The OSCE's increasing responsibilities in European security', *NATO Review* 44 (6): 7-12.

Dannreuther R. (1993-94), 'Russia, Central Asia and the Persian Gulf', *Survival*, 35 (4): 92-112.

Dannreuther R. (1994), *Creating New States in Central Asia*, Adelphi Papers 288, International Institute for Strategic Studies, Brassey's, London.

Dannreuther R. (1995), 'The Caspian Sea in International Politics', paper presented at the conference *Oil and Caviar in the Caspian: A Balance of Power and a Balance of Interest*, held in London, 23-24 February 1995, and organized by Menas Associates Ltd. and the Geopolitics and International Boundaries Research Centre at London's School of Oriental and African Studies (SOAS), received by Internet.

Den Boer P. (1993), 'Europe to 1914: The Making of an Idea', in: Wilson K., van der Dussen J. *The History of the Idea of Europe*, London and New York, Routledge: 13-82.

Drew N. (1996), 'NATO, NACC and the Partnership for Peace', in: Johnson, Archer, 213-228.

Ferdinand F. (1994), введение к его публикации *The New Central Asia and its Neighbours*, London, Pinter Publishers: 1-3.

Johnson L., Archer C., eds (1996), *Peacekeeping and the Role of Russia in Eurasia*, Boulder - Oxford, Westview Press.

Franklin N. (1995), 'The Russian Diaspora in Kazakhstan', *Russia & the Successor States Briefing Service*, 3, 4: 22-35.

Kortunov A., Kulchik Y., Shoumikhin A. (1995), 'Military Structures in Kazakhstan: Aims, Parameters, and some Implications for Russia', *Comparative Strategy*, 14: 301-309.

Lange K. (1994), 'Intervention and Conflict Resolution in Central Asia', *Swords and Ploughshares*, VIII, (2 & 3): 11-14.

Menon R. (1995), 'In the Shadow of the Bear. Security in Post-Soviet Central Asia', *International Security*, 20 (1): 149-181

Olcott M.B. (1995), 'Sovereignty and the "Near Abroad"', *Orbis*, Summer 1995: 353-367.

Olcott M.B. (1996), *Central Asia's New States. Independence, Foreign Policy and Regional Security*, United States Institute of Peace Press, Washington D.C., 1996.

Oliphant J.C. (1996), 'Partnership for Peace - A Progress Report', on line at <gopher://marvin.nc3a.nato.int:70/00/secdef/csrg/g52.txt>.

Roy O. (1995), 'The Role of the OSCE in the Peace Process of Tajikistan, in: Sagdeev R.Z., Eisenhower S. (eds.) (1995).

Sagdeev R.Z., Eisenhower S. (eds.) (1995), *Central Asia: Conflict, Resolution, and Change, 1995*, published on line by The Center for Post-Soviet Studies on <http://www.intr.net/cpss/cabook.html>.

Schatalina L. (1996), 'Sicherheitsprobleme der ehemaligen Sowjetrepubliken Zentralasiens', *Oesterreichische Militaerische Zeitschrift*, 1: 31-42.

Yapp M. (1994), 'Tradition and Change in Central Asia', in: Shirin Akiner (ed.) (1994): 1-10.

1. Я благодарю Вернера Боувенса, Унала Джевикоза, Эдмунда Герцига, Улугбека Ишанходжаева, Крейга Олифанта, Болота Утирова, Эрика Сиверса и Алексея Зверева за их отзывы на первый вариант этой статьи.

2. В январе 1997 г. в ССАС входило 40 членов, в том числе 16 стран-членов НАТО плюс 15 стран бывшего СССР плюс Албания, Болгария, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия, бывшая югославская республика Македония, Румыния, Словения. Австрия, Финляндия, Швейцария и Швеция имеют наблюдателей в ССАС и принимают участие в программе "Партнерство ради мира" (ПРМ). Представители правительств - в основном министры иностранных дел - согласно правилам встречаются по меньшей мере раз в году (см.: NATO Office of Information and Press, Basic Fact Sheet No. 1, March 1996). Подробные данные о происхождении ПРМ можно получить в: Drew, 1996, 213-228.

3. В случае Закавказья следует проводить различие между географическим и экономическим, политическим или культурным определением границ между Европой и Азией. Если придерживаться строго географического подхода, эти границы пролегают либо по Кума-Маньчской впадине на Северном Кавказе, либо по Большому Кавказскому хребту. Выражаю благодарность Ревазу Гачечиладзе за эту информацию.

4. Об общественной дискуссии в Швейцарии по поводу присоединения к программе партнерства см.: *International Herald Tribune*. 1996. March 15.

5. О западноевропейской политике в отношении Грузии см.: *Coppieters and oths.* (1997).

6. См.: *Monitor*. 1996. No. 78. April 19 // Сервер Internet listserv isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be); Независимая газета. 1996. 26 октября.

7. См.: Summary of the Speech by Mr. Javier Solana, Secretary General of NATO "NATO: Shaping Up for the Future" at the International Institute for Strategic Studies. London, 1996, September 19 // Всемирная паутина (World Wide Web). Домашняя страница <http://www.nato.int/docu/speech/1996/s960919b.htm>

8. См.: Address by Mr. Javier Solana, Secretary General of NATO at the Atlantic Treaty Association Assembly. Rome, 1996, November 4 // Всемирная паутина (World Wide Web). Домашняя страница <http://www.nato.int/docu/speech/1996/s961104a.htm>

9. Secretary General's Speech at IEEI Conference. Lisbon, 1996, November 25. "NATO and the Development of the European Security and Defence Identity" // Всемирная паутина. Домашняя страница <http://www.nato.int/docu/speech/1996/s961125a.htm>

10. См.: NACC Meeting, NATO Headquarters - 1996, December 11. Scenario and Speaking Notes for the

- Chairman // Всемирная паутина. Домашняя страница <http://www.nato.int/speech/1996/s961211y.htm>
11. См.: Statement by Secretary of State Warren Christopher at the North Atlantic Cooperation. Council, 1996, December 11 // Всемирная паутина (World Wide Web). Домашняя страница <http://www.nato.int/speech/1996/s961211e.htm>
12. См.: Monitor. 1996. Vol. II. No. 68. April 5; No. 210. November 8 // Сервер Internet isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be).
13. В рамках ССАС можно выделить три региональных образования. Кроме центральноазиатского комплекса безопасности, Россия, например, составляет на своих западных границах региональный комплекс безопасности с Украиной, Белоруссией, членами НАТО и перспективными членами в Восточно-Центральной Европе и Прибалтике. На своих южных границах Россия образует региональный комплекс безопасности вместе с тремя закавказскими республиками - Азербайджаном, Грузией и Арменией и частично с Ираном и Турцией. Российская концепция "ближнего зарубежья" на первый взгляд не делает никаких различий между отдельными региональными комплексами безопасности, в которых участвует Россия. Российская внешняя политика, однако, всегда учитывала специфические характеристики различных регионов.
14. В феврале 1996 г. межведомственная комиссия правительства РФ по делам СНГ пришла к выводу, что дополнительное финансирование подготовки офицеров из стран СНГ "имеет стратегическое значение для России". Оно необходимо для того, чтобы превзойти по привлекательности западные военные академии и способствовать продаже российских вооружений в ближнее зарубежье. Российское министерство обороны сообщило, что военные училища были в состоянии принять 1 тыс. курсантов из стран СНГ, но предложило сократить эту программу подготовки офицеров. Причина этого не только нехватка финансов. Министерство сетовало на то, что курсанты из стран СНГ плохо говорят по-русски, имеют недостаточное образование, настаивают на соблюдении религиозных обрядов и порой совершают уголовные преступления ввиду отсутствия финансирования со стороны собственного правительства (см.: Monitor. 1996. Vol. II. No. 392. February 6).
15. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 68. April 4; Monitor. 5 April 1996 // Сервер Internet listserv isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be); OMRI Daily Digest. 1996. No. 72. April 11; OMRI Daily Digest. 1996. No. 69. April 5.
16. См.: Monitor. 1996. No. 167. September 10 // Сервер Internet listserv isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be); OMRI Daily Digest. 1996. No. 177. September 12.
17. См.: OMRI Daily Digest. 1995. No. 237. December 7; OMRI Daily Digest. 1996. No. 50. March 11; Monitor. 1996. No. 51. March 13; Monitor. 1996. No. 98. May 17 // Сервер Internet listserv isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be).
18. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 3. January 4; см. также заявление казахского министра иностранных дел Каната Саудабаева в 1994 г., что "Казахстан вынужден проводить свою внешнюю политику в контексте существующего баланса сил и интересов, когда некоторые государства становятся сильнее, а другие слабее и нет твердых гарантий, что зоны конфликтов или нестабильности не появятся в непосредственной близости от Казахстана и не поставят под угрозу его безопасность ... Чтобы улучшить международную ситуацию, укреплять стабильность и безопасность, крайне важно развивать международные контакты и сотрудничество. Роль международных организаций, включая НАТО, вряд ли можно поэтому переоценить" (Saudabayev K. Kazakhstan and NATO - Towards an Eurasian Security System // NATO's Sixteen Nations. 1994. No. 2. P. 33 цит. по: Blank (1995). P. 382.
19. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 86. May 2.
20. См.: Monitor. 1996. No. 167. September 10 // Сервер Internet listserv isn (listserv@cc1.kuleuven.ac.be).
21. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 173. September 6.
22. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 68. April 4.
23. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 29. February 9.
24. См.: Interview of Roza Otunbayeva, Foreign Minister of Kyrgyzstan, Former Soviet Republic // Central Asia Political Discussion List. 1996. February 16 (Всемирная паутина. Сервер Cenasia@vm1.mcgill).
25. О политике Европейского союза в Центральной Азии см.: Commission Communication to the

Council. The EU's Relations with the Newly Independent States of Central Asia. Executive Summary, 1995.

26. См.: Monitor. 1996. Vol. II. No. 162, September 3.

27. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 169. August 30.

28. См.: OMRI Daily Digest. 1996. No. 177. September 12.

29. См.: The Economist. 1996. September 21; о политике США в отношении Узбекистана см.: Независимая газета. 1996. 27 сентября; OMRI Daily Digest I. 1996. No. 50. March 11.

30. На конференции по Центральной Азии и Кавказу, проходившей в январе 1996 г. в Тегеране и организованной Институтом политических и международных исследований, не проводилось никакой принципиальной разницы между обоими регионами. Доклады по различным регионам обсуждались в одних и тех же рабочих группах. Об иранской точке зрения см. двойной выпуск журнала: "The Iranian Journal of International Affairs, VI (3&4), статью "The Process of Development in Central Asia and the Caucasus".

31. См.: Commission Communication to the Council. The EU's Relations with the Newly Independent States of Central Asia, June 1995.